

V Городская научно-исследовательская конференция имени

Д.С. Лихачёва

**«Недетские игры», или Куклы вчера и сегодня (По книгам
Ирит Абрамски «Три куклы» И Евгения Носова «Кукла»)**

Михайлова Вера, Морозовская Анастасия, 6 класс,

МОУ «Средняя общеобразовательная школа с углублённым изучением
отдельных предметов № 62» Авиастроительного района

города **Казани**

Научный руководитель – *Хакимова Нина Николаевна*

Казань 2011

Оглавление

Введение.....	1- 4
Глава 1. Вырванные из детства	4 – 7
Глава 2. Куклы рассказывают.....	7 - 9
Глава 3. Куклы – живые свидетели.....	9 -10
Заключение.....	10- 11
Литература.....	11

Введение

В нашей работе «Недетские игры», или Куклы вчера и сегодня» (По книгам Ирит Абрамски «Три куклы» и Евгения Носова «Кукла») мы прежде всего ставили задачу, познакомившись с материалами истории детей на оккупированных фашистами территориях в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн, *проанализировать роль игрушек, в частности кукол, в детских судьбах*. Два автора выбраны не случайно. Ирит Абрамски – директор университета в Яд Вашем Израиля, дочь женщины, прошедшей тяжелейший путь унижений, издевательств, гетто... Выжившей, вопреки всему, чтобы рассказать дочери о тех чудовищных временах, которые никогда не должны повториться. Евгений Носов – писатель-фронтовик, сам видел уродливое «лицо войны», написавший о ней не одно произведение. В рассказе «Кукла» нет описаний военных сцен или детских воспоминаний о пережитом. В нём остро, предупреждающе поставлена проблема человеческой жестокости, проявленная к игрушке, кукле. Не с такой ли вот бесчеловечности начинается мировая беда?

Итак, *цель исследования* – проанализировать роль игрушек, в частности кукол, в детских судьбах военного времени, сравнить с отношением к кукле сегодня.

Метод исследования – сравнительно-сопоставительный, историко-функциональный

Предмет исследования – книги Ирит Абрамски «Три куклы» и Евгения Носова «Кукла»

Задачи исследования мы построили по следующему принципу: первая задача – проанализировать несколько произведений классических и современных, поднимающих проблему куклы в жизни ребёнка и найти их сходство и различие; вторая – обратиться к документальным источникам, раскрывающим роль игрушек, в частности кукол, в годы Катастрофы и ВОВ, также к материалам СМИ, рассказывающим о выставках военных кукол в Университете Яд Вашем и Санкт-Петербурге, третья задача – сопоставить два произведения, выявить их идейно-художественную направленность.

Каждый ребёнок, в какое бы время он ни жил, мечтает об игрушке, которая помогает ему переноситься в мир мечты, детских фантазий. Любимая, возможно, единственная игрушка скрашивает одиночество, даже заменяет отсутствие близких людей. Так, например, в произведении русского писателя В.Г. Короленко «Дети подземелья» для Сони и Маруси кукла была воспоминанием об умершей и у первой, и у второй девочки маме. Общение девочек с куклой - стремление через игрушку воссоединиться с ней. Кукла для малышки Козетты в романе французского писателя Виктора Гюго «Отверженные» стала символом солнечного лучика в мире беспросветного зла.

У девочек любимая игра в дочки-матери не мыслится без кукол. В годы ВОВ многие дети оккупированных фашистами территорий, дети блокадного Ленинграда были разлучены с родителями, с мамами, очень многие навсегда. К Дню 60-летия Победы в Санкт-Петербурге была устроена выставка под названием "Куклы военного детства". Многие из игрушек выставки не просто помогали пережить тяжелое военное время, но и спасали жизнь детям. Особенно выделяются несколько десятков кукол, в основном,

подаренных детям отцами перед уходом на фронт. Особое место в экспозиции занимают "блокадные" куклы, которые были своеобразными оберегами жилищ: дети, покидая осажденный город, специально оставляли их в качестве охранников родного дома.

Во время Катастрофы погибло 1, 5 миллиона еврейских детей. Для тех, кто выжил, мир детства в период Катастрофы существовал между разными полюсами – между надеждой и отчаянием, мечтой и действительностью, между преждевременным взрослением и сохранившейся наивностью детства.

С 1997 года в музее Яд Вашем открыта выставка «Недетские игры». Есть на ней и куклы Коллет, Джерта и Зюзя, героини книги Ирит Абрамски. Эти куклы спасли жизни трех еврейских девочек, восполнили им непереносимую утрату – детство.

В рассказе Е. Носова, в отличие от вышеназванных кукол, нет ни имени у куклы, ни истории её появления, не названа хозяйка оставленной на дороге игрушки, нет у неё счастливого конца...

Раздумывая над названием нашего проекта, мы пришли к решению: «недетские игры» (по названию существующей иерусалимской выставки в Яд Вашем). В таком определении темы, мы думаем, наиболее точно подчёркивается смысл сопоставления двух произведений. Потому что игра с куклами в определённых обстоятельствах оказывается настолько значительной, по - взрослому серьёзной, что может сравниться с проблемой человеческого выживания. Или гибели человека в человеке, когда осознанно издеваются над подобием человека, выламывая руки, прижигая сигаретой и втаптывая, как ненужную вещь, в грязь под молчаливое согласие вечно спешащих прохожих. Ну чем не «bystanders»?

Во всем мире, во всяком случае, в большинстве стран куклы ассоциируются исключительно с детскими забавами. А вот в Японии в куклы играют не только дети, но и взрослые, причем в первую очередь именно взрослые. Ибо куклы — это не только предмет для развлечений, но также элемент изобразительной культуры и религиозной символики. В них есть что-то сакральное, с ними надо обходиться бережно

Глава 1. Вырванные из детства.

В 2009 и 2010 – даты великих событий – Побед во Второй мировой и в Великой Отечественной войнах. Не одно поколение уже выросло в мирное время. Но всё продолжают снимать фильмы об этих страшных событиях и писать книги. Нам, детям, необходимо читать их и, конечно, помнить, какой высочайшей ценой добыта Победа. И, конечно, понимать, что счастливым детством мы обязаны тем, кто сумел уничтожить фашизм

Каждый человек в годы войны старался своим трудом на фронте и в тылу приблизить Победу. В этой борьбе активное участие наравне с взрослыми принимали дети: в тылу, на фронтах. А как приходилось выживать самым маленьким? Что спасало их от смертельной опасности? Что скрашивало жизнь детей в оккупированных фашистами районах? Детей, обречённых на гибель?

Особое отношение к войне было у детей, видавших своими глазами ужасы войны - это дети территорий, занятых фашистами, у детей из блокадного Ленинграда... Они своими глазами видели смерть близких, над их головами рвались снаряды и бомбы, они голодали и замерзали...

Поэт фронтового поколения Дмитрий Кедрин так описал «типичную» для того времени картину уничтожения детей-мишеней для фашистских лётчиков:

Над проселочной дорогой

Пролетали самолеты...

Мальчуган лежит у стога,

Точно птенчик желторотый.

Не успел малыш на крыльях

Разглядеть кресты паучьи.

Дали очередь – и взмыли

Вражьи летчики за тучи...

Из воспоминаний Валентины Ивановны Потарайко: "Мне было 5 –6 лет. Из блокадного Ленинграда нас эвакуировали в Пермскую область. Везли через Ладогу, где мы попали под бомбежку. Много детей тогда погибло, а кто выжил, натерпелся страха и ужаса. На Урал нас везли в товарных поездах вместе со скотом. На какой-то небольшой станции фашисты разбомбили поезд, загорелись вагоны. Все вокруг смешалось: метались из стороны в сторону люди, плакали дети, ржали лошади, мычали коровы, визжали свиньи. Мою старшую сестру Нину осколком ранило в лицо. Из ушей и раздробленной челюсти хлестала кровь. Средней сестре Тамаре пули попали в ногу, мать была смертельно ранена. На всю жизнь я запомнила эту картину. С убитых снимали теплую одежду и обувь, а потом их сваливали в общую могилу. Я кричала: "Дядя, не надо мою маму!" Сестер увели, чтобы оказать им медицинскую помощь, а я сидела возле матери, которую положили на опилки. Дул сильный ветер, опилки засыпали ее раны, мама стонала, а я вычищала ей раны и просила: "Мама, не умирай!" Но она умерла. Я осталась одна".

Война отучила этих детей плакать. Вспоминает Валентина Ивановна: "Когда наш эшелон разбомбили второй раз, мы попали в руки немцев. Фашисты выстраивали детей отдельно, взрослых отдельно. От ужаса никто не плакал, смотрели на все стеклянными глазами. Мы четко усвоили урок: *заплачешь – расстреляют*. Так на наших глазах убили маленькую девочку, которая кричала без остановки. Немец вывел ее из шеренги, чтобы все видели, и пристрелил. Все поняли без переводчика – плакать нельзя". Вот так просто угасали жизни. Фашистские нелюди стреляли в детей ради забавы, чтобы посмотреть, как ребяташки в страхе разбегаются, или выбирали себе живую мишень, чтобы поупражняться в меткости. Ведь ребенок не может работать, пользы от него никакой, значит, можно убивать безнаказанно. Хотя в лагерях находилась работа и для детей. Например, выносить человеческий пепел из крематория и зашивать его в мешки, чтобы потом этим прахом

удобрять землю. Заключение в лагерях дети были донорами крови для немецких солдат. А как цинично их "сортировали" на пригодных и непригодных к работе. Вышел ростом, дотягиваешься до нарисованной на стене барака линии - будешь служить "великой Германии", ниже необходимой отметки – отправляйся в печь. И отчаянно тянулись вверх ребята, становились на носочки, казалось, обманут, останутся в живых, но беспощадной машине рейха малыши не нужны, она пустит их в топку, чтобы наращивать и наращивать обороты.

Нацисты воплощали свою расовую теорию на практику, её считали двигателем истории. Согласно этой теории всё человечество делилось на расы: высшие – как, например, немцы, и низшие, к которым относились, в частности, русские, литовцы, поляки и украинцы... Еврейство, по их теории, являлось «антирасой» и должно было в будущем исчезнуть с лица земли, лишь некоторая его работоспособная часть должна была временно быть бесплатной рабочей силой. Так как дети были «непродуктивной» частью населения, их депортировали в лагеря смерти в первую очередь, и они становились жертвами планомерного уничтожения еврейского народа.. В так называемые «детские акции» детей вырывали из рук родителей и отправляли на уничтожение...

Во время Катастрофы (т.е. Холокоста) погибло 1, 5 миллиона еврейских детей... У выживших детей мир детства в период Катастрофы существовал между разными полюсами – между надеждой и отчаянием, мечтой и действительностью, между преждевременным взрослением и сохранившейся наивностью детства.

В книге Ирит Абрамски «Три куклы» повествуется история о трёх еврейских девочках, владелицах кукол, которые помогли их хозяйкам выжить в тех чудовищных условиях, в которых девочки оказались. В рассказе «Кукла», Евгения Носова, фронтовика, совсем небольшая история с куклой, послужившей заголовком к произведению (и не случайно!), поднимается серьезнейшая проблема человеческой жестокости. Не из неё ли вырастает впоследствии чудовищная теория, подобная нацистской?!

Глава 2. Куклы рассказывают

Как было сказано нами выше, с 1997 года в Иерусалиме действует выставка «Недетские игры». Автор её – Юдит Инбар. В настоящее время выставка является частью экспозиции нового исторического музея Яд Вашем. Героини книги Ирит Абрамски находятся именно там. Мы задались вопросом, есть ли такая выставка у нас в стране. Ведь дети остаются всегда детьми, тем более дети дошкольного возраста, маленькие девочки.

В результате поиска мы обратились к материалам СМИ, которые накануне больших юбилейных дат печатают много новых материалов, связанных с военным временем. Как оказалось, такая выставка существует в Санкт-Петербурге. Её открыли в 2005 году, к 60-летию Великой Победы

Выставка называется "Куклы военного детства".

В годы ВОВ многие дети оккупированных фашистами территорий, дети блокадного Ленинграда были разлучены с родителями, с мамами, очень многие навсегда... Как рассказали работники музея, многие из этих игрушек не просто помогали пережить

тяжелое военное время, но и спасали жизнь детям. На выставке 200 экспонатов, среди которых есть мягкие игрушки, фотографии и письма, особенно выделяются несколько десятков кукол, в основном, подаренных детям отцами перед уходом на фронт. Некоторые экспонаты более 60 лет назад были привезены дочерям из зарубежных стран. Так, кукла Жужа приехала к своей хозяйке из Австро-Венгрии, а другой фронтовик привез из-за границы куклу, которая, как ему казалось, была очень похожа на его маленькую дочурку.

Кукла Снегурочка славится легендой о спасении своей маленькой хозяйки. Когда за окном грянул взрыв, оцепеневшая девочка прижала Снегурочку к груди, несколько осколков от лопнувшего стекла впились в куклу, что и спасло жизнь маленькой блокаднице.

Особое место в экспозиции занимают "блокадные" куклы Ира и Юра. Их хозяйка Мая Семеновна Рудницкая во время долгих сидений в бомбоубежищах смастерила гардероб из 66 предметов. Все они очень похожи на те вещи, которые носили в блокадном Ленинграде, и сами по себе могут быть историческими экспонатами.

"Блокадные" куклы, кроме того, были своеобразными оберегами жилищ - дети, покидая осажденный город, специально оставляли их в качестве охранников родного дома.

На «Недетской выставке» много всяких игрушек или подобие их, ведь дети не могут жить без игр. Куклы Коллет, Джерта, Зузя занимают *особое* место. Они из разных мест «приехали» в музей. Прошли тяжелейший путь испытаний дорогами войны вместе с своими хозяйками, помогли им пережить Катастрофу. Коллет переехала из Франции, Зузя - из Польши, Джерта - из Румынии. У каждой из этих кукол известны хозяйки. Именно они спустя полвека отдали своих любимцев в музей. У Коллет – Клодин Шварц, у Джерты – Эва Модвал, Зузя – Зося (Яэль) Рознер. Судьбы у всех разные, но объединяет их ужасное слово - «катастрофа», потому что они были еврейскими девочками. Французская еврейка Клодин вместе с семьёй перебирается на юг страны, где было больше шансов укрыться от преследований, где активно помогало укрыться местное население. Из 350 000 евреев погибло 20%, Джерта со своей хозяйкой испытала депортацию, гетто, тюрьму и уцелела чудом, потому что из

725000 евреев погибло 350 000, самое страшное испытание прошла Зузя, так как, в

отличие от других кукол, она появилась в варшавском гетто, самом страшном месте. Именно здесь вынудили евреев пришивать «желтую звезду», морили голодом, создавали нечеловеческие условия. Из 3325000 погибло 3000000 евреев. Поэтому чудо выживания Зоси, а следовательно, её хозяйки находится за пределами реальности.

Глава 3. Куклы - свидетели живые...

Книга «Три куклы» Ирит Абрамски построена на документальных фактах. В основе – истории жизни трёх еврейских девочек, хозяек кукол. У кукол есть имя, у каждой история «рождения», т.е. появления у хозяйки. У всех девочек, как и кукол, – счастливый конец: они выжили, сохранили кукол и впоследствии передали в музей.

«Коллет была лучшей подругой маленькой Клодин, которая родилась в обеспеченной семье парижских евреев и была их единственной дочерью. Клодин получила её в подарок в самый канун войны, когда ей исполнилось 4 года и крепко к ней привязалась» [Ирит Абрамски «Три куклы», Яд Вашем, международная школа по изучению Катастрофы, 2007, с.11]. «Коллет была большой модницей – в 1943 году, когда самой Клодин исполнилось 7 лет, её мама смастерила для куклы замечательное платье, распоров для этого свою роскошную довоенную сорочку из натурального шёлка...» [там же, с.11]

Впоследствии, когда надо было прятаться, унося с собой хоть что-нибудь, кукла стала копилкой, спасшей от голода девочку.

Кукла Джерта была верной подружкой девочки Эвы, единственной дочери обеспеченных венгерских евреев, которые баловали её, как принцессу. И кукла была красавица: «У куклы были золотистые волосы, широкополая шляпа и платье из блестящего розового шёлка» [там же, с. 18]

Зузе меньше повезло. Она появилась в Варшавском гетто. Сначала это была просто голова от старой куклы из папье-маше. «Мама... соорудила ей подобие туловища, платье... нарисованные волосы на голове у куклы были тёмные, а Зося к тому времени хорошо усвоила, что это «неарийская» внешность и что в таком виде опасно появляться на улице... Соорудила ей укромное место под своим матрасом» [там же, с. 25] Сделанная мамой кукла помогала переносить невольное одиночное заточение в подвале.

Давая подробные, детальные описания кукол, Ирит Абрамски выражает всю любовь к ним их хозяек, подчёркивает теплоту детских душ, которые срослись с куклами и выживали в бесчеловечных условиях, благодаря игрушкам.

Особенно показательна в этих «кукольных» историях Зузя (кукле имя дано было, похожее на имя хозяйки). Когда оставленная в одиночестве из-за болезни матери девочка несколько дней проводит одна без еды, света, тепла, тряпичная куколка – единственное сокровище, что скрашивает ей одиночество и даёт частичку тепла: «Я ей [кукле] говорила: «Не смей громко плакать – тебя услышат! У тебя волосы чёрные – тебя поймут!» Зося, чтобы ощущать присутствие мамы и её тепло, менялась с куклой местами. «Тебе не холодно? Принести тебе одеяло? Ты не голодна? Я принесу тебе морковку» [там же, с.26]. И это общение с куклой спасло хозяйку от голода, холода ... смерти.

В рассказе «Кукла» Е. Носова не указано имя владелицы игрушки, нет истории куклы, не сказано, как она выглядела раньше. Автор нашёл её безымянной, брошенной на дороге. Рядом с изуродованной куклой находилась спортивная площадка: раздавались хлесткие шлепки по волейбольному мячу, иногда сопровождаемые всплесками торжествующих, одобрительных ребячьих вскриков, и эти молодые голоса под безоблачным сельским полднем тоже создавали ощущение праздничности и радости бытия. Тем разительнее воспринимается далее описание куклы. И это уже не праздник молодых здоровых мышц:

«В грязном придорожном кювете валялась кукла. Она лежала навзничь, раскинув руки и ноги». Эта картина, этот вид игрушки невольно ассоциируется с упавшим на поле битвы бойцом. Но при внимательном взгляде понимаешь, что это не так.... Это чудовищные истязания куклы:

«Большая и все еще миловидная лицом, с легкой, едва обозначенной улыбкой на припухлых по-детски губах. Но светлые шелковистые волосы на голове были местами обожжены, глаза выдавлены, а на месте носа зияла дыра, прожженная, должно быть, сигаретой. [«Кукла» («Акимыч»), «Детская литература», 1982, с. 29]

Болью проникнуто описание куклы. Как легко можно искалечить красоту! Автор выделяет такие детали в описании куклы: «миловидное лицо», «припухлые по-детски губы», «шелковистые волосы». А далее – резкая антитеза, потрясающая жестокостью: волосы «обожены», «глаза выдавлены», «месте носа зияла дыра, прожженная, должно быть, сигаретой».

Как она оказалась в таком состоянии, можно предположить. Кому-то просто интересно было поиздеваться над бездомной куклой. Так мерзко и гнусно! Не с таких ли вот тренировок над игрушками зарождается садизм по отношению к людям?!

Описание куклы далее трудно читать...

«Кто-то сорвал с нее платье, а голубенькие трусики сдернул до самых башмаков, и то место, которое прежде закрывалось ими, тоже было истыкано сигаретой» [там же, с. 29]

Описание куклы далее трудно читать... Самое страшное – мимо проходящие люди. Они не замечают искалеченную игрушку. Проходят дети и их родители, проходят ученики и их учителя, мальчики, девочки, старики... Подумаешь, игрушка!..

«Это не игрушка, это святотатство», - утверждает автор. «Люди притерпелись к худу и не видят, как сами худое творят. А от них и дети набираются»

Почему только Акимыч не может равнодушно пройти мимо цинично и жестоко оскорбленной куклы?! Почему, как он выражается у него «сердце комом: сожмётся...».

Сам автор предполагает, что это с войны: «... Может, со мной с войны такое. На всю жизнь; нагяделся я человечины... Вроде и понимаешь: кукла. Да, ведь облик-то человеческий. Иную так сделают, что и от живого дитя не отличишь. И плачет по-людски. И когда это подобие валяется растерзанное у дороги - не могу видеть. Колотит меня всего...» [там же]

Автор утверждает, что нельзя научить добру, если ты «слеп, душа твоя глуха».

В книге по Холокосту «Стоящие в стороне или стоящие рядом» (Bystanders) [Ирит Абрамски] мы познакомились с материалами, как равнодушные или нежелание многих людей видеть то, как уничтожались люди еврейской национальности, оскорблялись, истязались фашистами и теми, кто пытался выслужиться перед ними. Bystanders становились по разным причинам: кто-то боялся за свою жизнь, кто-то просто был чёрств душой и закрывал глаза на происходящее зверство, кто-то был сторонником нацистской теории об арийском превосходстве и невозможности существования других рас.

Эти материалы нам дают право сравнить равнодушные людей в ситуации, описанной с куклой.

Автор подчёркивает военное прошлое Акимыча, его глубокое переживание через характерные просторечные слова: "заклинило"

«Он сутуло, согбенно перешагнул кювет и там, на пустыре, за поворотом школьной ограды, возле большого лопуха с листьями, похожими на слоновьи уши, принялся копать яму, предварительно наметив лопатой ее продолговатые контуры. Ростом кукла была не более метра, но Акимыч рыл старательно и глубоко, как настоящую могилку, зарывшись по самый пояс. Обровняв стенку, он все так же молча и отрешенно сходил к стожку на выгоне, принес охапку сена и выстлал им днище ямы. Потом поправил на кукле трусишки, сложил ее руки вдоль туловища и так опустил в сырую глубину ямы. Сверху прикрыл ее остатками сена и лишь после этого снова взялся за лопату».

Похороны куклы имеют символическое значение. Он хоронит не только подобие человека, он пытается похоронить зло, сотворённое людьми. Сколько нужно таких Акимычей, чтобы давать отпор бесчеловечности, уничтожать зло?!

Героини книги Ирит Абрамски – куклы и их хозяйки тяжело разлучаются друг с другом после войны. Одна из девочек бережёт куклу сначала от собственных детей, потом от внуков. Но потом всё-таки отдаёт куклу в музей. Эва даже пишет ей прощальное письмо, обращается как живой подруге: «Ты последний свидетель моих детских страданий, которых я не желаю ни одному ребёнку на свете... Может быть, однажды я приду навестить тебя в Яд Вашем» [там же].

Зося (Яэль), рискуя жизнью, просит спасающего её парнишку вернуться за куклой в гетто. Тот сопротивляется: ведь это грозит гибелью обоим! В угольной грязи, в мешке он спасает обеих, а Зося так объясняет смертельно больной матери причину их риска: «Нет, мамочка, он поступил так, как надо – он понял, что нельзя оставлять ребёнка одного и

помог мне забрать мою дочку из подвала» [там же, с.29].И девочка, пережившая такой недетский, чудовищный страх, даёт своеобразный урок маме, всем мамам, в каких бы обстоятельствах они ни находились: оставлять своих детей нельзя! Это самая страшная и порой абсолютно непоправимая ошибка...

. Заключение

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

Предметы прошлого – память. И особое место среди них – куклы. Они срастаются с историями детей, людей. Относиться к ним нужно как к памяти. И если уж не беречь куклы, то, конечно же, не уродовать. Иначе это выглядит как своеобразная тренировка по проявлению жестокости к человеку, поселяет в человеке цинизм, грубость, формирует задатки садизма, а у тех, кто равнодушно смотрит на подобные эксперименты, вины не меньше: ведь с их молчаливого согласия происходит насилие и зло.

Ирит Абрамски и Евгений Носов утверждают общую гуманистическую идею: кукла – это очень даже серьёзная игрушка, это подобие человека. Она хранит память об ушедших поколениях, о близких и родных, о том времени, в котором находилась с нами, учит ценить дом, семью, историю. Относиться к ней надо бережно. Эксперименты по издевательствам над куклами – то же самое, что и над людьми: большое зло начинается с малого.

Куклы на снимках - работы [Тамары Москаленко](#) (Ашдод, Израиль). Фотографии публикуются с разрешения автора.

Литература

1. Абрамски Ирит «Три куклы», Иерусалим Яд Вашем, 2007
2. Абрамски Ирит «Стоящие в стороне или стоящие рядом», Иерусалим Яд Вашем, 2007
3. Гюго В «Отверженные»,
4. Короленко ВГ «Дети подземелья», М., « Детская литература», 1980
5. Носов Евгений «Кукла», («Акимыч»), М., «Детская литература», 1982
6. С.-ПЕТЕРБУРГ, 5 мая - РИА "Новости", репортаж с выставки «Военные куклы», 2005